

И. С. ЧИЧУРОВ

**ФЕОФАН ИСПОВЕДНИК — ПУБЛИКАТОР,
РЕДАКТОР, АВТОР?**(в связи со статьей К. Манго¹)

И без того скудный перечень византийских авторов периода иконоборчества уменьшился благодаря усилиям К. Манго на одно имя: следуя остроумной гипотезе английского византиниста, крупнейшему, как до сих пор считалось, историку начала IX в. Феофану приходится отказываться в праве на авторство. Что побуждает исследователя усомниться в атрибуции, подтверждаемой и рукописной традицией, и свидетельством современников, будь то Анастасий Библиотекарь, Константин Багрянородный или Скилица? Для ответа на вопрос изложу вкратце аргументацию К. Манго.

Сомнения К. Манго вызваны датировкой «Хронографии», обстоятельствами жизни Георгия Синкелла и Феофана, известными по житию Мефодия и панегирику Феодора Студита, наконец, текстом «Хронографии», содержащим материалы, которые, как полагает К. Манго, не могли принадлежать Феофану по разным причинам.

Что касается времени создания «Хронографии», К. Манго обращает внимание на следующие моменты, заставляющие задуматься над справедливостью традиционной точки зрения: «Хронография» была написана не позже конца 814 г., а так как Георгий Синкелл мог умереть и после 810/811 г., Феофану оставалось слишком мало времени для создания 503 страниц текста (по изданию К. Де Боора). К этому К. Манго добавляет тяжелую болезнь Феофана, приковавшую его к постели, и невысокий уровень образованности святого, исключаящие авторство (р. 10—11). Георгий Синкелл, согласно К. Манго, собрал материал по истории Византии до правления Никифора I (или даже Михаила I), но не успел его издать, поручив завершить начатое им Феофану. Таким образом исследователем объясняется ряд мест «Хронографии», которые не могли принадлежать Феофану, но, весьма вероятно, принадлежали Синкеллу: цитаторий относительно перевода Германа с престола Кизика на константинопольский престол, пространная речь Тарасия перед вступлением на патриарший престол, перенесение мощей св. Евфимии в 796 г., критика Феодора Студита и св. Платона, наконец, личные воспоминания о суровой зиме 764 г. (Феофану было в это время не более пяти лет) и некоторые другие фрагменты (р. 16—17). Архивный характер материалов, изданных Феофаном, подчеркивается стилистической неоднородностью компилятивной части «Хронографии», где эксерпты переданы без предварительной стилистической обработки (р. 12). В заключение отсутствие упоминаний о «Хронографии» как о сочинении Феофана в житии святого должно, как кажется К. Манго, подтверждать правомерность его предположений (р. 16).

Сомнения К. Манго — одного из крупнейших знатоков византийской литературы IX в. — требуют к себе пристального внимания, коль скоро выводы византиниста касаются не только конкретного, хотя и важного,

вопроса об авторстве Феофана, но и специфики понятия «авторство» в средневековой литературе вообще и в византийской в частности.

Начну, вслед за К. Манго, с датировки «Хронографии». Доказательство того, что «Хронография» была создана до конца 814 г., К. Манго видит в наименовании Льва V «благочестивым» (εὐσεβής), а его воцарения — «законным» (р. 10). Думается, К. Манго не избежал здесь ошибки, аналогичной той, которая уже была допущена К. Н. Успенским²: εὐσεβής в применении к императору нельзя рассматривать как безусловное свидетельство его ортодоксальности. Традиционный элемент преамбул византийских императорских грамот, эта характеристика слишком стереотипна и обязательна для каждого императора в официальной идеологии, чтобы ее употребление можно было расценивать как доказательство православия василевса. Не будь этого, трудно было бы объяснить употребление εὐσεβής в той же «Хронографии» для характеристики иконоборца Льва III³. Нельзя оставлять без внимания и другое: Феофан, идет ли речь о нем как об издателе, редакторе или авторе, работал при живом Льве V, отказать которому в благочестии значило бы для византийца поставить под сомнение законность его власти со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому едва ли упоминание о благочестии Льва V может служить датирующим признаком⁴. Тем самым время окончания работы над «Хронографией» остается неизвестным и ничто не противоречит более поздней, чем 814 г., дате, в том числе до смерти Феофана в 817/818 г.

Даже если принять минимальный срок написания «Хронографии», возможность ее составления за три года не становится от этого менее вероятной⁵: ведь «Хронография» в значительной степени (по крайней мере 300 из 503 страниц издания К. Де Боора) не столько писалась, сколько списывалась и переписывалась (в зависимости от характера источника). Вместе с тем реальность или нереальность такой скорости письма может быть выявлена лишь при сопоставлении «Хронографии» по времени создания с другими памятниками византийской литературы, чего К. Манго не делает. Но как бы то ни было, 814 год как год завершения работы над «Хронографией», на мой взгляд, не обоснован английским исследователем.

Не убеждает меня и ссылка К. Манго на болезнь Феофана, делавшую якобы невозможным для него написание в короткий срок «Хронографии» (р. 11). Удивительно, однако, что эта «тяжелая» болезнь, если верить житию, как делает К. Манго, не помешала изданию Феофаном материалов Синкелла. Спорить о том, что было бы труднее для больного Феофана — составить компиляцию самостоятельно или просто переписать, хронологически упорядочив, материалы своего предшественника, представляется мне бесплодным, коль скоро характер и условия работы остаются неизвестными.

Еще одно обстоятельство, вызывающее сомнения К. Манго: следуя оценке Феодора Студита, византист не видит в Феофане «человека большой культуры»; скорее военная, чем ученая, карьера Феофана (К. Манго ссылается здесь на житие Мефодия) исключала высокую обра-

¹ *Mango C. Who wrote the Chronicle of Theophanes? — ЗРВИ, 1978, XVIII, р. 9—17* (далее ссылки на статью К. Манго даются в тексте).

² Мнение К. Н. Успенского об εὐσεβής в применении ко Льву III как о реликте иконоборческой хроники, некритически воспринятом Феофаном (см.: *Успенский К. Н. Очерки по истории иконоборческого движения в византийской империи в VIII—IX вв. Феофан и его Хронография. — ВВ, 1950, 3, с. 393—438*), было справедливо отвергнуто, см.: *Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963, S. 123, Anm. 1.*

³ *Theophanis Chronographia/Rec. C. De Boor. Lipsiae, 1883, vol. I, p. 396.18.*

⁴ Добавлю к этому, что ἀσέβεια в «Хронографии» может использоваться и для характеристики императора (например, Никифора I), ортодоксальность которого как будто не вызывает сомнений, см.: *Theoph. Chron., I, p. 489.7—8.*

⁵ Мысль о недостаточности трех лет для составления компиляции оказалась настолько притягательной для К. Манго, что все 503 страницы издания Де Боора (а значит, и занимающий около 20% общего объема критический аппарат) были приписаны им средневековому автору (р. 11).

зованность святого, отсутствие которой сказалось, по К. Манго, в «неэлегантном стиле» преамбулы к «Хронографии» (р. 11—12). Разумеется, было бы по меньшей мере странно видеть в Феофане большого стилиста, но именно непритязательность стиля характерна не только для прооимона к «Хронографии», но и для сочинения в целом. Стилистически «Хронография» задана уже в преамбуле к ней, последующее изложение лишь подтверждает стилистическое единство зачина и всего сочинения.

Свидетельством против авторства Феофана служит для К. Манго и компилятивная часть «Хронографии», где источники не перерабатываются, а лишь «транскрибируются» Феофаном (р. 12). Однако этому выводу английского византиста недостает самого главного — сопоставления компилятивной части «Хронографии» с ее источниками. Надо ли доказывать, что какие бы то ни было заключения о характере работы автора с источником возможны только после сравнения оригинала и компиляции, чего К. Манго опять-таки не делает⁶. Замечания о неоднородности именных форм (*Σαρβαραζας* или *Σάρβαρος*) в «Хронографии» (р. 12, п. 15) мало что говорят об образованности автора: неупорядоченность ономастической, топонимической, этнографической лексики встречается и у тех византийских авторов, образованность которых не вызывает сомнений.

Если принимать тезис К. Манго о необразованности Феофана, то остается только удивляться выбору Георгием Синкеллом Феофана в качестве продолжателя своего труда. Удивляется этому и К. Манго, предполагающий причины такого выбора в безопасности (safety) Вифинского монастыря, больших связях его настоятеля, возможно, в математических способностях Феофана (р. 16, п. 24). Однако «надежность» Вифинского монастыря звучит жестокой иронией в применении к самому Феофану, которого монастырские стены не спасли от преследований Льва V; «большие связи» святого, сколь бы велики они ни были, не имеют никакого отношения к литературным способностям, а потому не могут объяснить выбора Георгия Синкелла. Проблема возникает лишь из-за недоверия К. Манго к возможностям Феофана как автора; решается она, как мне кажется, проще, нежели думает К. Манго: Георгий Синкелл *видел* в Феофане человека, *способного* продолжить начатое им дело. Повторю еще раз: я не собираюсь преувеличивать творческие возможности хрониста, однако ущербность его образованности и стиля отражают не только индивидуальные способности автора, но и общий, сравнительно низкий уровень творческой активности и образованности в VIII—начале IX в.

Как аргумент в пользу своего предположения К. Манго склонен рассматривать и молчание житий об авторстве Феофана (р. 16). Справедливо ли это? Достаточно обратиться к другим житиям, чтобы убедиться в обратном: агиограф Игнатий (в его высокой образованности сомневаться не приходится) не упоминает создания патриархом Никифором «Бревиария», но следует ли усматривать в молчании Игнатия основание для сомнений в принадлежности «Краткой истории» перу Никифора? Замалчивание агиографами литературного творчества своих героев, особенно если оно не было связано с конфессиональной деятельностью святого (например, богословская полемика), объясняется не отсутствием такового, но утратой представлений о литературном труде как о самостоятельном роде деятельности, достойном прославления.

Слабым звеном в построениях К. Манго является толкование преамбулы к «Хронографии» Феофана. Весь ход рассуждений в его статье приводит читателя к буквальному пониманию слов Феофана в прооимоне: Феофан написал «Хронографию», «ничего не прибавив от себя» (р. 10). Однако буквальное понимание едва ли правильно. Слова Феофана отражают авторскую позицию, характерную для его времени: самоуничижение христианского писателя приводит к декларативному отказу от прав на индивидуальное авторство, не означающему отсутствие такового в действительности. Напомню хорошо известные слова старшего современника Феофана Иоанна Дамаскина в его «Диалектике» — «я не скажу ничего.

своего»⁷, — созвучные позиции Феофана, свидетельствующие о преклонении византийца перед образом, умаляющие достоинства автора, но не исключают, по сути дела, авторства⁸. Ведь в авторстве Иоанна Дамаскина не приходится сомневаться — вопреки его собственным словам.

Ничего не сделано К. Манго для опровержения слов Феофана в преамбуле, противоречащих тезису современного византиниста: «И мы, изыскав, насколько это было нам возможно, много книг и изучив (их), написали. . . эту хронографию, ничего не прибавив от себя, но собрав (материал) у древних историографов и логографов. . .»⁹. Скептический вопрос К. Манго — «Что он понимал под „многими книгами“? Может быть не больше, чем пять или шесть» (р. 16) — не снимает проблемы, возникающей, если принять точку зрения английского византиниста на авторство «Хронографии».

Как уже было сказано выше, К. Манго выделяет в «Хронографии» Феофана ряд мест, которые, по его мнению, не могут принадлежать Феофану, но, вероятно, принадлежали Георгию Синкеллу. Обратимся к этим фрагментам.

Интерес к событиям на Востоке (в арабском мире), отразившийся в «Хронографии» Феофана, К. Манго склонен связывать опять-таки с деятельностью Георгия Синкелла — посредника в передаче неизвестного восточного источника из Палестины в Константинополь (р. 13—14). Не подвергая сомнению возможность использования в «Хронографии» Феофана неизвестной восточной хроники, все же скажу, что сообщения о ближневосточных событиях вообще необязательно прямо связывать с деятельностью лиц, бывавших на Ближнем Востоке. Интерес к истории арабского государства (одного из основных противников империи) закономерен для византийца VIII—начала IX в. Кстати, не в меньшей степени это касается и истории Первого Болгарского царства, но предполагает ли экскурс Феофана (или Георгия Синкелла, если следовать К. Манго) о протоболгарах непосредственную связь автора с Восточным Приазовьем?

Употребление в «Хронографии» Феофана местоимения ἡμῶν в рассказе о нападении арабов на палестинские монастыри в 809 г.¹⁰ — ἐπεκράτησε δὲ τῆς τοιαύτης ἀναρχίας ἡ κατ' ἀλλήλων (т. е. арабов. — И. Ч.) καὶ ἡμῶν μακροῖα ἔτη ε' — свидетельствует, по К. Манго, об отождествлении автором себя с палестинским населением, что понятно для бывшего монаха монастыря св. Харитона Георгия Синкелла. Упоминание при этом монастыря св. Харитона на первом месте, согласно К. Манго, также указывает на Георгия Синкелла (р. 14). Толкование ἡμῶν К. Манго как указания на палестинское население представляется мне небеспорным. 'Нмῶν в контексте преследований христиан в Сирии, Египте и Ливии, о чем у Феофана сказано четырьмя строчками выше¹¹, может относиться не только к монахам палестинских монастырей, но к христианскому населению всех упомянутых областей, подвластных арабам. Между прочим, противопоставление κατ' ἀλλήλων (т. е. арабов «друг против друга») и ἡμῶν (т. е. христиан вообще) при таком понимании имеет больше смысла, чем при узком отнесении ἡμῶν к палестинским христианам. Выдвижение же на пер-

⁶ Ср.: Чичуров И. С. Феофан — компилятор Феофилакты Симокатты. — АДСВ, 1973, 10, с. 203—206; Он же. Феофан Исповедник — компилятор Прокопия. — ВВ, 1976, 37, с. 62—73.

⁷ PG, 94, col. 525.

⁸ Ср. с аналогичной трактовкой слов Дамаскина Г.-Г. Беком; см.: Beck H.-G. Das literarische Schaffen der Byzantiner. Wege zu seinem Verständnis. — Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Kl., 1974, Bd. 294, S. 7. Попытка анализа авторских позиций ранневизантийских историков была принята мной в статье: Чичуров И. С. К проблеме авторского самосознания византийских историков IV—IX вв. — В кн.: Античность и Византия. М., 1975, с. 203—217.

⁹ Theoph. Chron., I, p. 4.8—14.

¹⁰ Ibid., 484.14—19.

¹¹ Ibid., p. 484.10—14.

вое место монастыря св. Харитона в этом фрагменте и ниже ¹² (под 813 г.) — слишком шаткий аргумент для пересмотра атрибуции и для утверждения о том, что Георгий Синкелл работал над своим сочинением до 813 г. (р. 14).

Ненависть Феофана к императору Никифору I остается для К. Манго загадкой. Единственное, что могло, как полагает К. Манго, ее объяснить, — жесткая налоговая политика императора, коснувшаяся и монастырей (р. 15). Думаю, это немаловажная причина для Феофана — игумена небольшого монастыря, но и не единственная. В глазах Феофана Никифор I оставался узурпатором, свергнувшим св. Ирину, и как бы неоднозначно ни относился хронист к Ирине, она все же была для него восстановительницей иконопочитания. Наконец, в правление Никифора I имело место некоторое послабление в отношении к ряду ересей (павликиан, афинган, тетрадитов, да и самих иконоборцев), о чем с возмущением пишет Феофан ¹³. Этого, мне кажется, достаточно, чтобы объяснить ненависть Феофана к Никифору I ¹⁴.

Не убеждает и приписывание Георгию Синкеллу ряда других мест «Хронографии» Феофана, предполагающих присутствие хрониста в Константинополе и его связь с константинопольскими патриархами: цитаторий о переводе Германа с кизикского на константинопольский престол, обстоятельная речь патриарха Тарасия, воспоминания очевидца о перенесении мощей св. Евфимии в 796 г., беседа автора с патриархом Феоodosием (р. 15—16). Возможность присутствия Феофана в Константинополе не отрицает и К. Манго (р. 15), внимание же иконопочитателя Феофана к деятельности православных патриархов понятно, и наличие у Феофана необходимых для написания соответствующих частей «Хронографии» материалов, возможно полученных через посредство Георгия Синкелла, вполне допустимо.

Наконец, еще один фрагмент, вызывающий сомнения К. Манго. Повествуя о суровой зиме 764 г., Феофан рассказывает о том, что он вместе со сверстниками взобрался на лыдину, прибитую к стенам Константинополя ¹⁵. По К. Манго, Феофану было тогда четыре года и он не мог этого сделать (р. 16). Дата рождения Феофана основана у К. Манго, очевидно, на сообщении Мефодия о смерти Льва IV на 21-м году жизни Феофана ¹⁶, т. е. наш хронист родился в 759/760 г. Однако датировки Мефодия противоречивы, и уточнение даты рождения Феофана нуждается в дальнейшем исследовании, о чем свидетельствует следующий пассаж в житии Феофана.

Завершая рассказ о подвигах святого, Мефодий пишет, что они имели место в правление Ирины, Никифора I и Михаила I и что Феофану было в это время 49 лет ¹⁷. Если Феофану действительно было 49 лет в правление Михаила I, то он родился между 762—764 гг.; если считать, что 49 лет прошло лишь с начала «второго возраста», т. е. с семи лет (текст Мефодия дает для этого основание), то Феофану в царствование Михаила I было 56 лет и он мог родиться между 755—757 гг.; наконец, если отнести анализируемую фразу только к правлению Никифора I, то Феофан родился либо между 753—762 гг., либо между 746—755 гг. (в зависимости от того, было ли ему 49 или 56 лет). Значит, в 764 г. Феофану могло быть и гораздо больше четырех лет, и меньше. Приведенный расчет лет ни в коей мере не решает вопроса о дате рождения Феофана. Наша задача скромнее — показать неточность хронологических выкладок агиографа, исключая использование одного, взятого изолированно сообщения для определения года рождения Феофана.

В системе доказательств К. Манго удивляет отсутствие важного для атрибуции памятника звена: сопоставления текста Георгия Синкелла с текстом как компилятивной, так и самостоятельной части «Хронографии» Феофана. Собственно говоря, исследователь отказывается от стилистического анализа, ссылаясь на то, что «Хронография» (за исключением ее последних частей) — «досье», и поэтому невозможно установить, какие части кем были написаны; заключительная часть «Хронографии» представляет,

по мнению К. Манго, необработанную версию текста Георгия Синкелла, тогда как «Хронография» Синкелла — это окончательный авторский текст (р. 17).

Начну с того, что характеристика компилятивной части «Хронографии» как непереработанного «досье» Георгия Синкелла лишь гипотеза К. Манго, основанная, в свою очередь, на предположении недостаточности трех лет для написания столь обширного текста. Коль скоро мое отношение к датировке «Хронографии» высказано выше, перейду к характеристике компилятивной части труда Феофана. К. Манго не отрицает возможной проверки Феофаном хронологических расчетов Георгия Синкелла (р. 16), но как раз это обстоятельство указывает на работу хрониста с источником, а не «досье». Напомню, что именно в «Хронографии» Феофана погодное изложение материала становится последовательным организующим принципом изложения (чего, между прочим, нет в «Хронографии» Синкелла). Тем самым при работе над компилятивной частью хронист сталкивается с проблемой датировок описываемых событий. Учитывая, однако, новизну такого метода для византийской исторической литературы и, как правило, относительную (по годам правления отдельных императоров) датировку событий у предшественников Феофана, трудно представить определение даты того или иного события без обращения к источнику в целом, а не к сборнику фрагментов. Последнее было бы возможно, если бы «досье» Георгия Синкелла было столь же последовательно, как и «Хронография» Феофана, организовано по хронологическому принципу. Но в этом случае пришлось бы допустить, что принцип составления «досье» (хронологический) Георгием Синкеллом и принцип написания окончательного текста его «Хронографии» (источничко-тематический наряду с хронологическим) неадекватны друг другу. Значительная часть заголовков в «Хронографии» Синкелла — рубрики источничко-тематического характера, с указанием не дат, но сюжета последующего текста или источника, из которого он заимствован.

Не имея «досье» Георгия Синкелла, трудно судить, каким оно было. И все же предположим (текст «Хронографии» Синкелла дает для этого основание), что это «досье», если оно вообще существовало, было организовано как по хронологическому, так и по источничко-тематическому принципу. Теперь обратимся к компилятивной части «Хронографии» Феофана. Тематический принцип и указания на источники исчезают у Феофана¹². Допустим, ради спасения гипотезы К. Манго, что Феофан как публикатор, работая над материалами Георгия Синкелла, просто опустил тематические заголовки и ссылки на источники, нарушив тем самым структуру «досье». Но именно в этом случае для хронологического упорядочения текста нельзя было бы обойтись без обращения к источнику.

Вернемся, впрочем, к бесспорному. При написании компилятивной части «Хронографии» Феофан отказывается от тематического изложения материала в пользу хронологического. Для осознания значительности этого перехода неважно, произошел он в результате работы хрониста над «досье» Георгия Синкелла или вследствие самостоятельной обработки им ранних источников. Значение же перехода к анналистической организации повествования определяется изменениями в существе исторического письма той

¹² Ibid., p. 499.23—25.

¹³ Ibid., p. 496.6—14.

¹⁴ Отмечу попутно, что критика Феофаном, например, Юстиниана II не менее, а может быть и более, сурова, чем порицание Никифора I. Тем самым наличие личных мотивов для резкой критики, что К. Манго пытается выявить в применении к Синкеллу, необязательно.

¹⁵ Ibid., p. 434.17—25.

¹⁶ *Methodii. . . Vita S. Theophanis Confessoris*/ Ed. V. V. Latyshev. — Записки Российской Академии наук. Сер. VIII, 1918, т. 13, № 4, с. 13.27—30.

¹⁷ Ibid., p. 26.6—27.12, 27.12—15.

¹⁸ Мне приходилось указывать на это, см.: *Чичуров И. С.* К проблеме авторского самосознания. . . , с. 209, 214.

поры: на первый план выступает не последовательное изложение событий в их взаимосвязанности (как это было раньше), а хронологическая привязанность происходящего, пусть даже в ущерб логике развития событий. Нельзя сказать, что Феофан был здесь абсолютно первым (возможно ли такое в литературе?). В конце концов начатки хронологической организации повествования прослеживаются и у Георгия Синкелла, но предшественник Феофана был в этом непоследователен: хронологические рубрики перемежаются у него тематическими и источниковыми, причем первые в меньшей степени связаны с основным текстом, и трудно сказать, какие из них преобладают. В «Хронографии» Феофан больше, чем какой-либо иной византийский историк, приблизился к классическому типу средневековой хроники с погодным изложением, будь то западная анналистика или древнерусское летописание. Для византийской литературы, в большей, чем Запад или Древняя Русь, степени связанной традицией, такой путь был слишком необычным. Недаром в последующей за «Хронографией» Феофана византийской хронистике мы не найдем продолжателя анналистического метода. Исключительность «Хронографии» Феофана в византийской историографии лишь подчеркивает значимость сделанного им.

Не разделяя скепсис К. Манго в отношении стилистического анализа компилятивной части «Хронографии» Феофана, попытаюсь обозначить некоторые из ее характеристик, отвлекаясь пока от вопроса атрибуции. Прежде всего о дифференцированном подходе редактора к стилю используемого им источника. Мне уже приходилось писать о разнородности подхода к передаче текстов «Истории войн» Прокопия и «Истории» Феофилакта Симокатты в «Хронографии»: риторический стиль Симокатты значительно упрощается, «История войн», напротив, передается дословно, причем это касается только нарративных частей сочинения Прокопия, тогда как многочисленные речи его героев либо совсем опускаются редактором, либо кратко резюмируются¹⁹. Сопоставление компилятивной части «Хронографии» Феофана с ее источниками недвусмысленно опровергает тезис К. Манго о механической передаче текста источника в «Хронографии», а трансформация стиля Феофилакта Симокатты предполагает работу непосредственно с источником, но не с «досье».

Анализ компилятивной части «Хронографии» выявляет также ряд других характеристик, между прочим не противоречащих оценке английским византинистом возможностей Феофана как автора. Укажу в первую очередь на многочисленные ошибки в компилятивной части «Хронографии» при передаче ономастики и топонимики «Истории войн»²⁰. Но на неточности Феофана именно в ономастике указывает К. Манго (р. 12). Ошибкам «Хронографии» в топонимике соответствует пренебрежение ее автора к географической детализовке в повествовании, зачастую путаница в географии как компилятивной, так и самостоятельной части²¹. Однако именно это менее всего похоже на путешествовавшего, по крайней мере в Палестине²², Георгия Синкелла, но скорее напоминает не покидавшего стен своего монастыря Феофана. Многочисленным ошибкам и неточностям в передаче ономастики и топонимики противостоит в «Хронографии» точная, за незначительными исключениями, передача цифр, в том числе там, где это связано с хронологией²³. Но именно в Феофане, последовательно проводившем хронологический принцип изложения, скорее всего следует предполагать автора, отличающегося пристальным вниманием к точности числовых данных. Вспомним попутно предположение К. Манго о математических способностях Феофана (р. 16, п. 24). При сравнении компилятивной части «Хронографии» с «Историей» Симокатты бросаются в глаза те места сочинения Феофилакта, которые остались непонятны компилятору и смысл которых был искажен при передаче текста источника²⁴. Но именно Феофану, «человеку невысокой культуры», по К. Манго, могли быть свойственны трудности в понимании витиеватого, риторического стиля Симокатты. Наконец, «ущербная» образованность Феофана хорошо согласуется и с тем,

что автор компилятивной части не всегда понимает реалии своего источника или классицистическую лексику оригинала ²⁵.

Как видим, обнаруженные при сопоставлении оригинала с компиляцией черты последней заставляют думать скорее о Феофане, нежели о Георгии Синкелле.

Следует также сказать о принципиальной неадекватности друг другу исходных авторских позиций Феофана и Георгия Синкелла, восстанавливаемых по текстам, авторство которых у К. Манго не вызывает сомнений, — преамбуле к «Хронографии» Феофана и тексту «Хронографии» Синкелла. Авторская позиция Феофана, декларированная им в прооимиионе к «Хронографии», характеризуется отказом от авторских прав, авторской точки зрения, от тематического принципа изложения материала и упоминания своих предшественников ²⁶. Обезличенным исходным установкам хрониста соответствует и характер изложения в «Хронографии»: указания на источники в ней практически отсутствуют ²⁷, композиционные авторские ремарки безличны и крайне редки, зачастую механически заимствованы из источника ²⁸. Неприемлемость для Феофана тематического повествования обнаруживается не только в хронологическом построении «Хронографии», но и в характеристике им «Хронографии» Синкелла, в которой наш хронист видит лишь хронологический остов, а не столь важную для христианского автора тему — вычисление года рождения Христа.

Иное дело — Георгий Синкелл, сочинение которого как памятник византийской литературы начала IX в. незаслуженно игнорируется византистами ²⁹. Прежде всего начальная часть его «Хронографии» позволяет констатировать наличие творческого замысла ³⁰ и постановку основной авторской задачи: Георгий предполагает описать события до «наступившего 6300 года от сотворения мира» и выделяет основную тему — вычисление даты рождества Христова ³¹. При этом автор не забывает об

¹⁹ См.: Чичуров И. С. Феофан — компилятор Симокатты, с. 204—205; *Он же*. Феофан — компилятор Прокопия, с. 62.

²⁰ Чичуров И. С. Феофан — компилятор Прокопия, с. 64—67.

²¹ См.: Чичуров И. С. Феофан — компилятор Прокопия, с. 66—67; *Он же*. Экскурсы Феофана о протоболгарах. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976, с. 69—72.

²² К сожалению, К. Манго не высказывает своего отношения к существенной для его аргументации точке зрения В. Греку, поставившего под сомнение путешествия Георгия Синкелла, см.: *Georgios Synkellos weite Reisen unternommen?* — Bull. Ac. Roum. Sect. hist., 1947, 28/2, S. 241—245; ср.: *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. München, 1978, Bd. I, S. 332.

²³ См.: Чичуров И. С. Феофан — компилятор Прокопия, с. 62—63.

²⁴ *Theophylacti Simocattae historiae*/ Ed. C. De Boor. Lipsiae, 1887, VII, 3, 1—5, 10; ср.: *Theoph. Chron.*, I, p. 275.13—276.11.

²⁵ См.: Чичуров И. С. Феофан — компилятор Прокопия, с. 73. Античные парасанги Симокатты (*Theophyl. Sim. Hist.*, p. 257.14) понимаются в компилятивной части «Хронографии» как византийские мили (*Theoph. Chron.*, I, p. 271.17).

²⁶ См.: Чичуров И. С. К проблеме авторского самосознания. . . , с. 206—210, 213—214.

²⁷ Там же, с. 214.

²⁸ Там же, с. 213—214.

²⁹ Как это ни странно, но единственная, если я не ошибаюсь, на сегодняшний день работа, посвященная детальной характеристике «Хронографии» Георгия Синкелла, — статья Ж. Лакёра (RE, IV, 8, col. 1388—1410) оставлена К. Манго без внимания. Между тем Лакёр указывает на важные для выявления характера работы Синкелла черты его сочинения: неорганичность построения «Хронографии», наличие разнородных пластов в повествовании, ошибки в расположении материала, повторы одних и тех же сообщений, указывающие на незавершенность «Хронографии» Синкелла (col. 1391—1394, 1397, 1400—1402, 1407).

³⁰ Напротив, из текста преамбулы Феофана к «Хронографии» ясно, что она была написана после завершения работы.

³¹ *Georgius Syncellus et Nicephorus* Cp./ Ex rec. G. Dindorfii. Bonnae, 1829, p. 10.14—15, 2.9—11, 4.8—10.

основной задаче на протяжении всего сочинения: «Нами было сказано и раньше, в начале этого труда, что нам прежде всего надлежит указать год божественного воплощения. . .»³². Определение автором своей основной задачи не исключает осознанной постановки Георгием Синкеллом в своем сочинении иных задач, о чем свидетельствуют многие места его «Хронографии»³³. Говорит Георгий Синкелл и о методах своей работы: противопоставлении одного источника другому, изложении материала по главам, резюмировании оригинала³⁴.

Высокий уровень авторского самосознания Георгия Синкелла объясняет частое в его «Хронографии» выражение авторского мнения³⁵, личностный характер многочисленных авторских ремарок³⁶, соотнесение своего труда с источниками³⁷. Поэтому и характер компиляции Георгия Синкелла определяется его высоко развитым авторским самосознанием: замкнутое целое он видит не только в себе как авторе, не только в теме своего сочинения и самом сочинении, но и в других авторах, других сочинениях. Именно поэтому фрагменты использованных Синкеллом источников выделяются им из общего повествования тематическим заголовком, зачастую с указанием имени автора³⁸, и он нередко последовательно излагает один и тот же сюжет по нескольким авторам, с указанием каждого из них³⁹. Ничего похожего нельзя обнаружить в «Хронографии» Феофана, сплавливающего тексты разнородных источников анонимным повествованием в рамках одного года.

В краткой характеристике сочинения Георгия Синкелла я привел лишь малую толику материала, на котором основывается глава о его «Хронографии» в подготавливаемой мной к печати книге о ранневизантийской исторической литературе. Можно было бы подробнее описать работу Георгия Синкелла над источником: выбор используемых им источников, их сопоставление и противопоставление, оценку источника, не всегда у Георгия Синкелла однозначную. Впрочем, сказанного, я надеюсь, достаточно, чтобы обозначить разнородность авторских позиций Феофана и Георгия Синкелла.

Нетрудно предвидеть возражение возможных сторонников концепции К. Манго: анонимность «Хронографии» Феофана обусловлена механическим воспроизведением «досье» Георгия Синкелла. Однако если согласиться с этим, то в постулируемом «досье» Георгия Синкелла позволительно предположить все те черты, которые прослеживаются в окончательном тексте его «Хронографии»: сохранение автономности источника в компиляции (определение темы и источника фрагмента, противопоставление источников, разграничение текстов, принадлежащих разным авторам), активная позиция автора-редактора (в постановке темы и задачи, полемике с источником, композиции материала). Трудно представить обратный порядок работы: появление ссылок на источники, авторов, последовательное расположение одного и того же сюжета по разным источникам и т. п. не в предполагаемом «досье», а при составлении окончательного текста. В результате работа Феофана (о ней мы можем судить по его «Хронографии») над «досье» (или архивом?) сводилась бы к его существенной переработке, аналогичной той, которая предпринималась любым из хронистов более позднего времени.

Но отрицает ли кто-нибудь на основании зависимости от того же Феофана авторство Георгия Монаха, Кедрина, Зонары?

Наконец, если допускать существование каких-то материалов, переданных Синкеллом Феофану (само по себе это вполне возможно), то почему бы не предположить, что эти материалы существовали не в виде «досье», составленного Синкеллом, а как небольшое собрание рукописных книг, подготовленных Синкеллом для написания «Хронографии» и переданных им Феофану на время работы над продолжением труда Георгия Синкелла. У этой гипотезы ничуть не меньше оснований, чем у предположения К. Манго.

Итак, тезис К. Манго о Феофане как публикаторе «досье» Георгия Синкелла уязвим и в датировке «Хронографии» Феофана, и, что существеннее, в характеристике обоих авторов.

Появление статьи К. Манго симптоматично: оно наглядно демонстрирует приблизительность знаний современного византиноведения о сравнительно небогатой литературе периода иконоборчества⁴⁰ как о целостной, функциональной системе. Анализ отдельных, изолированных от широкого литературного контекста, фрагментов может, как это и было в статье английского византиниста, привести к построению оригинальных гипотез. Доказать же (или опровергнуть) их можно лишь с помощью системного анализа памятника или группы памятников. Значение статьи К. Манго — не в пересмотре традиционной точки зрения на авторство Феофана, а в постановке вопросов, ответ на которые дает обращение к системному анализу текстов Феофана и Георгия Синкелла.

³² Ibid., p. 590.1—4.

³³ Ibid., p. 7.8—13, 23.20—24.1, 42.9—17, 58.17—19, 62.12—15, 72.9—12, 122.16—123.2, 223.19—20, 370.12—15, 420.18—421.2, 569.4—9.

³⁴ Ibid., p. 99.18—100.1, 266.10—15, 498.1—3, 503.9—12.

³⁵ Ibid., p. 6.2, 60.11—12, 318.15—18, 386.7.

³⁶ Ibid., p. 49.19—20, 75.15—16, 76.11—13, 84.8—13, 115.18—116.1, 116.11, 196.14—15, 446.1, 446.16—447.1, 569.9.

³⁷ Ibid., p. 58.12—15, 152.1, 156.7, 160.4, 283.8—10, 331.8—11.

³⁸ Ibid., p. 15.11, 50.1—5; Африкан. — p. 38.8, 152.12, 161.7, 187.18, 200.1, 209.1, 283.1, 489.1; Евсевий — p. 157.11, 163.16, 165.1, 646.17.

³⁹ Ibid., p. 69.1—2, 71.3—4, 72.2, 9—10, 100.14—15, 102.8—9, 472.12, 473.1, 609.16—17, 614.6.

⁴⁰ Между прочим, на это указывает и сам К. Манго в иной связи, см.: *Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975. Birmingham, 1977, p. 6.*